

Подобную же народную мотивацию словоформы встречаем в рассказе о Вербном воскресенье: «И они кричали: “Благословены гряды во имя Господне!”» (записано в с. Липовка, Пич, 2001 г.). Слово *грядый* (*гряды-и*) теряет свою субстантивность и обезличивается, превращаясь в прилагательное. В итоге возглас «благословен!», относящийся к самому Христу, понимается как относящийся к неким людям, следующим за Ним, которые «благословенны», потому что «гряды во имя Господне».

Случайные сближения могут коснуться и вполне понятных, русских слов, если они произносятся с эмфазией – «выделением важной в смысловом отношении части высказывания, обеспечивающим экспрессивность речи»¹⁴. Ср. в духовном стихе «Распятие Христа»: «Стоит она [мать Мария] со ридами, ридами (т. е. «со рыданьем») И плачет все со слезами, со слезами»¹⁵. Возбужденный тон и взволнованность исполнения направлены на передачу реальности и непосредственности события.

Изучая пасхальный тропарь «Христос воскрес», И. Б. Теплова отмечает особые народные формы музыкального бытования тропаря в сельской традиции. Среди них: деревенский напев на долгий голос, преодоление «псалмодичности» церковного напева, «календарная» направленность интонации. Пасхальные распевы обнаруживают своеобразную народную этимологию: «живой даровой» вместо «живот даровав», самостоятельные фрагменты текстов («Зароди, Бог, хлеба на многое лето») и другие жанровые особенности. И. Б. Теплова делает вывод об «изначальном существовании общего интонационно-семантического фонда, получившего самостоятельные формы в устной и письменной традиции»¹⁶.

*А. А. Кожина
Минск*

Об одном народно-этимологическом прочтении в церковно-славянском тексте Книги Екклесиаста

В тексте Книги Екклесиаста, являющейся частью Острожской Библии, изданной Иваном Федоровым, можно обнаружить несколько фрагментов, которые по своему лексическому составу отличаются от соответствующих в других славянских Библиях. В частности, это фрагмент семнадцатого стиха седьмой главы. У Ивана Федорова читаем следующее:

¹⁴ Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е (репринтное) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. М., 1998. С. 592.

¹⁵ Новиков Ю. А. Духовные стихи русских старожилов Литвы // Живая старина. 1994. № 3. С. 36.

¹⁶ Теплова И. Б. Распев пасхального тропаря «Христос воскрес» в крестьянской традиции северо-западных областей России // Православие и культура этноса. Междунар. науч. симпоз. 9–13 октября 2000 г.: Тез. докл. М., 2000. С. 63.

и не бѹди жесто(к), да не оумреши не въ время свое.

Иные славянские Библии, изданные, как и Острожская, в XVI в., среди них польские, чешские, Библия Франциска Скорины, иудейский перевод отдельных библейских книг, содержащийся в Виленском кодексе, представляют иную версию рассматриваемого стиха:

a niechciey tez byc glupim / bys wiec przed czafem nie umarl¹⁷;

nie bqdē tez glupim / przecz masz umrzeć przed czasem twoim¹⁸;

a nebyway blāznē: aby ne umrzel ne swym czasem¹⁹;

a nebyway blāznet / aby neumřel před časem²⁰;

и не быван глупъ, абы не ўмеръ не своим часомъ²¹;

а не бѹдъ глѹпъ чемъ маешь оумерети без часѹ своего²².

Как видно, основное различие касается первой части фрагмента, в которой все переводчики единодушно представили именную часть предиката лексемой со значением 'глупый', в то время как Острожская Библия репрезентирует в этой позиции совершенно иное значение: **жестокыи** – 'твердый, жесткий; трудный, суровый; упрямый, дерзкий, непокорный' [СДРЯ 3, 251].

Иван Федоров, как известно, корректировал церковно-славянский текст Священного Писания; в качестве примера можно привести его поправку в тексте Апостола – въ мл(с)тъ щедротъ²³, в то время как в иных редакциях встречаем: въ жтробѣ щедротъ²⁴. В данном случае речь идет о переводе греч. *σπλάγχνα οἰκτιρμοῦ*, где *σπλάγχνα* (мн. ч.) обозначает в первом значении 'внутренности (особенно сердце, печень, легкие)', а в переносном значении 'сердце, душа, самое любимое или дорогое'. Здесь Иван Федоров обоснованно предпочел второе (переносное) значение лексемы.

Но в нашем случае перевод не является инновацией – аналогичный фрагмент встречаем в Изборнике Святослава – не боуди жестокоу ни нечѣстивѹ зѣло. да не оумреши въ безгодик своѹ²⁵. И в греческом тексте Изборника, и в тексте LXX в рассматриваемой позиции стоит

¹⁷ Leopolda / Faksimile der Ausgabe Krakau 1561. Paderbm etc., 1988.

¹⁸ Biblia, to iest księgi Starego i Nowego przymierza... Nieświcz, 1570; Zaslav, 1570–1572.

¹⁹ Biblij Czeska w Benátkach tissen. Venezia, 1506.

²⁰ Bibli Czeska [Ed. 2]. Praha, 1557.

²¹ Факсимільнае ўзнаўленне Бібліі, выданае Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гг. – Мінск: Бел. Энцыклапедыя, 1991.

²² The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262) with Introduction and Notes by Moshe Altbauer. Concordance compiled by Moshe Taube. Jerusalem, 1992.

²³ Апостол. [Рукопись]. – Львов: печатник Иван Федоров, 15.11.1574. Кол. 3, 12.

²⁴ Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе: В 10 т. М., 1992. Т. 8. С. 300.

²⁵ Изборник Святослава / В. Ф. Дубровина и др. М., 1965. Л. 121–121об.

лексема *σκληρός*, действительно имеющая значение 'сухой, твердый; суровый, жестокий, немилосердный'.

Именно эта лексема, находящаяся в тексте Септуагинты, послужила причиной расхождения стихов в славянских Библиях. В древнееврейском тексте Книги Екклесиаста ей соответствует סָכָל [sakal] 'глупый', производное от корня סָכַל [skl] 'поступить глупо'²⁶. Представляется, что ошибка, допущенная в данном случае переводчиком, может быть определена как *народная этимология*, т. е. приведение формы слова одного языка под близкое по звучанию слово другого языка. Как известно, древнееврейский текст, которым пользовались переводчики Септуагинты, не имел огласовок, поэтому форма סָכָל [sakal] была прочитана как [skl], что полностью соответствует звуковому составу первой половины греческого прилагательного. Чаше всего народная этимология предполагает определенное семантическое подобие между сопоставляемыми словами. В данном случае это правило действительно соблюдается – и упрямство, и глупость можно рассматривать как противоречие здравому смыслу; оба эти качества могут объединяться в характеристике одного субъекта.

В тексте Вульгаты рассматриваемый фрагмент находится в стихе 7.18 – *noli esse stultus ne moriaris in tempore non tuo*. В западославянских переводах представлено значение лексемы *stultus* 'глупый, неразумный'.

По-видимому, труднее ответить на вопрос – почему именно в этом фрагменте LXX סָכָל было переведено таким образом? Лексема эта встречается преимущественно в Екклесиасте, кроме упомянутого фрагмента еще в 2. 19; 10. 3, 6, 14. Во всех этих случаях ей соответствует греч. ἄφρων, которое, в соответствии с его структурой, лучше всего перевести как 'безумный'. Анализ ближайшего окружения лексемы не показывает каких-либо существенных отличий между упомянутыми стихами и фрагментом стиха 7.17.

Следует отметить, что еще один подобный народно-этимологический перевод однокоренной формы встречается также в седьмой главе в двадцать пятом стихе. В этом случае греч. σκληρίαν переводит др.-евр. форму, которая встречается только в тексте Екклесиаста, – סִכְלִיּוֹת [siklîu] 'глупость' (как абстрактное понятие) –

τοῦ γινῶμαι ἀσεβοῦς ἀφροσύνην καὶ σκληρίαν καὶ περιφοράν.

В тексте Острожской Библии также используется форма, однокоренная рассмотренной выше (ожесточение) –

²⁶ Briks P. Podręczny słownik hebrajsko-polski i aramiejsko-polski Starego Testamentu. Warszawa: Vocatio. 2000. S. 244.

разумѣти нечѣстиваго, безуміе и ожесточеніе и лѣсть.

В тексте Вульгаты в данной позиции стоит лексема *error* 'ошибка', которая получает соответствующий перевод в библейских текстах, переведенных с латинского –

*á ze bych thež uzał nieluthość głupiego: y obłędliwość ludzi nieroztropnych*²⁷;

*abych poznał ne miłościwość blázna. blud nemudrých*²⁸;

*abych poznał nemístiwość blázna / blud nemaudrých*²⁹;

и да быхъ позналъ немилосердіе безумнаго, и блудъ немудрыхъ³⁰.

Если взглянуть на контекст семнадцатого и двадцать пятого стиха седьмой главы, можно обнаружить между ними определенное сходство – в них встречаются однокоренные формы – глагол с отрицанием *עֲשֵׂה רָע* 'не злодействуй' (7.17) и существительное *עֲשֵׂה רָע* 'безбожность, зло' (7.25), в церковно-славянском тексте, соответственно, не бесчестѣи (много и не бѣди жесто(к)) и нечѣстиваго (разумѣти нечѣстиваго). Глагол в тексте Екклесиаста больше не встречается, существительное присутствует еще в стихах 8.8 и 3.16 (дважды), где обозначает преступление против гражданского закона³¹. Возможно, это в какой-то степени обусловило идентичность представления корня *לָעַשׂ*.

Однако, как бы не объяснять появление лексем *σκληρός* и *σκληρία* в тексте седьмой главы Книги Екклесиаста, это народно-этимологическое прочтение обусловило своего рода культурную иррадиацию – повлияло на содержание и понимание других текстов, разделенных с первоисточником временем и пространством.

Н. И. Коновалова
Екатеринбург

Явление этимологической рефлексии в диалектной речи

Специфическими особенностями передачи информации об обозначаемом посредством мотивированного слова являются, во-первых, формальное выражение мотивировочного признака (закрепление в структуре слова информации о мотиве наименования), ср., в частности, наиболее распространенный вид мотивированности – мотивировку признаком –

²⁷ Leopolda / Faksimile der Ausgabe Krakau 1561.

²⁸ Biblij Czeska w Benatkach tissenae.

²⁹ Bibli Czeska [Ed. 2].

³⁰ Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гг.

³¹ Gesenius W. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. Leipzig: Verlag von F.C.W. Vogel, 1915. S. 957.